«Зеленый пункт» от Бонна до Ташкента

Эта публикация из 1998 года. Какие-то цифры сегодня не актуальны. Природоохранное ведомство в Узбекистане изменило название. Столица Германии давно не в Бонне, а в Берлине. Но тенденции не изменились. Бережное отношение к окружающей среде в европейской стране по-прежнему в тренде. А Узбекистан, хоть и принят Закон «Об отходах» и немало других важных законодательных актов, пока еще переживает трудности в решении экологических проблем. Что пригодится Узбекистану из экологических решений Германии?==========

Самым добросовестным образом просвещала группу специалистов, включая и журналиста, принимающая сторона. Семь дней длилась поездка, в ходе которой многое удивляло, озадачивало: «зеленый пункт», раздельный сбор мусора и отсутствие мух на мусороперерабатывающем заводе, множество ветряков… Семь дней мы восхищались

бережным отношением к природе в чужой стране и мотали на ус.

Розовая наклейка на авто – не прихоть

В защите окружающей среды здесь есть немало достижений. Особенно гордятся немцы Рейном. Лет тридцать назад в нем из-за сильного загрязнения передохла вся рыба, но сейчас он чист, как в начале века, и снова с рыбой – в реке водится до двадцати видов, а еще через пару лет, предполагают, сюда запустят лосося.

Немало гордости вызывает и тот факт, что с 1990 года Германия на 12 процентов сократила выбросы в атмосферу углекислого газа. И еще на столько же сократит их к 2005 году. А попутно страна снижает выбросы и других вредных веществ. Работает на это ужесточение законодательных требований. Тому же способствует договоренность с промышленниками о сокращении выбросов на 20 процентов. На пользу природе изменена технология сжигания бурых углей, используемых энергетикой.

В дополнение к законам используются “косвенные методы” – то, что мы называем экономическими рычагами. Еще в семидесятые годы в Германии начали вводить субсидии на развитие техники и налоговые льготы для владельцев ресурсосберегающих автомобилей и автомобилей с низким уровнем эмиссии.

Налоги выше, если автомобили без фильтров, если имеют большой литраж. Узбекистанский водитель при разговоре о выбросах тут же сошлется на качество бензина. В Германии это не аргумент: еще в 1971 году здесь был принят Закон “О содержании свинца в бензине”. Его никто не нарушает, так как в стране также действует Закон “О материальной ответственности за нанесение ущерба окружающей среде”. В общем, торговать некачественным бензином продавцу себе дороже.

Все авто бегают по дорогам страны с розовыми наклейками. Через два года государственные инспекторы после проверки технического состояния автомашины вновь посадят на задний бампер наклейку, но иного цвета, в знак того, что она в норме. Не помог ремонт – не получит свежей наклейки, и путь ей на свалку.

О свалках равнодушно не может слышать не только эколог, но и обычный гражданин. В конце семидесятых – начале восьмидесятых они столь плотно забили страну, что их восприняли как национальное бедствие. Вот какие меры борьбы с ним были приняты. Федеральное министерство подготовило, а Бундестаг утвердил в 1986 году Закон “Об

отходах”. Но через десять лет требования его показались недостаточными. Вступил в силу новый Закон “О технологии замкнутого цикла и экологически безопасной ликвидации отходов”.

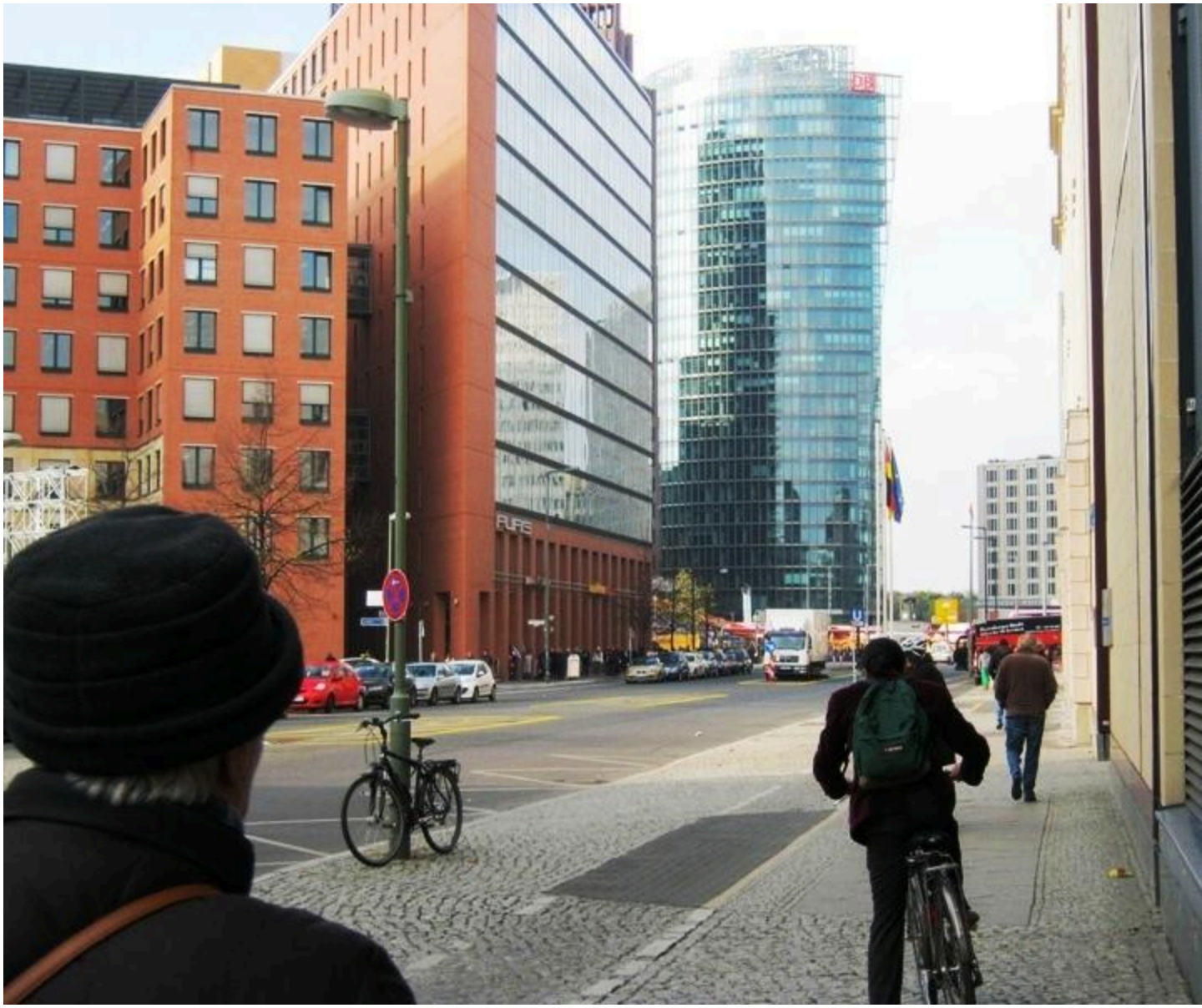
Мы в Узбекистане борьбу с отходами только начинаем. Идет их инвентаризация. Закон об отходах еще не принят. По данным Госкомприроды республики, ежегодно образуется более ста миллионов тонн различных, в том числе токсичных отходов. Хотя речь идет о Германии, трудно удержаться и не вспомнить о “домашних” проблемах. То, что они преодолимы, подтверждает чужой опыт.

Для чего “дуальная система”?

“Разорений не было”, – так ответил профессиональный эколог Манфред Плэтрих на вопрос: “Как пережили рост требований предприятия?” Требования к ним поднимали постепенно. Что касается последнего Закона “О технологии замкнутого цикла”, то он основательно потряс предпринимателей. Вменил им в обязанность не только сокращение отходов и их вредности, но и их утилизацию, а в крайнем случае – ликвидацию. А чтобы не было охоты везти мусор за границу, законодатели утвердили запрет на ввоз-вывоз отходов.

Что делать предпринимателям, производящим, к примеру, молочную продукцию или кондитерскую? По закону они обязаны заняться утилизацией упаковки. Логично, если население вернет уже ненужную тару или отслужившую срок покупку туда, где получило – в магазин. Но что будет с магазином?..

Вот какое решение приняли автомобильные магнаты: уменьшить долю уничтожаемых отходов с нынешних 25 процентов от массы старого автомобиля до максимум 15 процентов к 2002 году и до максимум 5 процентов в 2015 году. Усовершенствуя конструкцию, одновременно создают по Германии систему сбора и утилизации старых легковых автомобилей. Капиталисты договариваются действовать не поодиночке, а сообща.

Первый шаг к такому сотрудничеству сделали еще в начале девяностых после издания правительственного постановления об упаковке. В нем впервые прозвучал принцип “виновника”. В ответ производители создали новую структуру – акционерное общество “Дуальная система”, которое взяло на себя сбор и утилизацию упаковки. Главная его контора находится в Кельне, а по стране имеется три филиала. Предприятия, передоверившие посреднику сбор и утилизацию упаковок, платят лицензионный сбор. А свою продукцию маркируют специальным знаком – его в Германии называют “зеленый пункт”.

Сверхсознательное население сортирует бытовой мусор. Раньше азбуки дети выучивают правило: синий контейнер для бумаги, белый – для стекла, желтый контейнер – для отходов, меченных “зеленым пунктом”… Делегация из Узбекистана получает возможность отправиться в Кельн – в акционерное общество “Дуальная система”.

Чужая шина в контрах с нашим интересом

“Если на автомобиле “зеленый пункт”, вы возьмете на переработку шины?” В кельнском

офисе акционерного общества “Дуальная система” с ходу соглашаются: “Да, конечно. Это ведь часть автомобиля. И производители за их утилизацию платят. Шины размельчим. Партнеры из гранулата сделают тартановое покрытие для спортивных площадок…”
Но мы спрашиваем о других шинах, тех, что находятся на узбекской территории. Несколько лет подряд их завозили из Германии. По немецким меркам они были отходами, по нашим стандартам эти “б.у.” еще годились к эксплуатации. Недавно республиканская Госкомприрода запретила их ввоз. Но что делать с теми, что и по нашим стандартам успели стать отходами?
Немцы сочувственно относятся к проблеме. Увы, их законодательство о замкнутом цикле и обеспечении экологически безопасной ликвидации отходов распространяется только на Германию. Вывоз их запрещен. Если какая-то страна хочет их использовать как “вторичные ресурсы”, должна заботиться о них сама. Кстати, с импортом и у немцев хватает проблем. При ввозе продукции продавец обязан внести плату за предстоящую утилизацию. Таков механизм. А как бывает? Японский поставщик деньги уплатил, но его технику трудно утилизировать. Другой пример: текстиль из Китая или Северной Африки содержит ядовитые красители. В итоге растут расходы на переработку. А задача – их сокращать.
Неясно, зачем “Дуальной системе” это делать, если за все уплачено? Выясняем, что акционеров – шестьсот. Промышленников, вносящих взносы, – семнадцать тысяч. Они создали для контроля за функционированием системы Наблюдательный совет. Видимо, контролирует эффективно, так как она снизила расходы на утилизацию с семи миллиардов марок в год до четырех. А теперь планирует их уменьшить еще на полмиллиарда.
Каким образом? Наводя порядок внутри страны. Начинала с установления контактов с коммунами – органами местного самоуправления в селах, городах, округах. Им была представлена информация: “Половину объема и треть веса от общего объема мусора составляет упаковочный материал”.

Коммуны определили, какими их предприятиями будут перерабатываться отходы с “зеленым пунктом”. Акционеры их взяли на обслуживание, улучшив качественно и количественно. А население обеспечили дополнительными контейнерами. Если раньше на полторы тысячи жителей приходился один контейнер, теперь на 600 человек – по три больших “бесплатных” контейнера, это помимо тех, оплачиваемых, что стоят у дома. Убедили жителей в необходимости сортировки.

Сегодня до 80 процентов мусора проходит через “Дуальную систему”. Три четверти годится как вторичное сырье – десятки миллионов тонн вновь возвращаются в производство. Общий объем мусора тоже уменьшился. Член правления АО Манфред Зюттер называет цифру: на 900 тысяч тонн за год! “Видоизменился и полегчал упаковочный материал. Отходов станет еще меньше, когда подключим школы к интернету, безбумажной электронной информации”.

Многое меняется вследствие государственной экологической политики. Но вот факт, который не может не поразить: “на халяву” пользуется услугами “Дуальной системы” четверть всех предпринимателей. Как их подвигнуть на выполнение гражданского долга? Германия готовится усовершенствовать законодательство по упаковке. Впрочем, стопроцентную обязаловку здесь вводить не хотят. Плановых заданий намерены достичь рыночно-хозяйственными методами.

Почему у Рейна не воздвигнут спортивный комплекс?

Кельнский собор во время бомбежек второй мировой почти не пострадал. Рассыпавшиеся разноцветные витражи восстанавливать не стали — так решила кельнская коммуна в назидание потомкам. К сожалению, памятник старины, не имеющий отношения к экологии, не входит в программу нашего пребывания. Видим его мимолетно, по ходу восхищаемся искусством архитекторов и строителей, да и мудрым решением коммуны и ее городского совета. Собор вознесся у Рейна.

Рейн вместе с чистой водой возвращает и свою утраченную романтику – так здесь говорят. “Какую роль в этом процессе играют коммуны, как “низы” влияют на экологическую политику?” Первый ответ слышим “по ходу” от нашей переводчицы Барбары. Она объясняет, что городской совет избирается жителями коммуны сроком на пять лет. Быть в нем почетно – депутатами становятся представители промышленности, фирм, уважаемые люди. Они определяют политику, в том числе экологическую.
“Выходит, могут и диктовать? Захочет, к примеру, уважаемый человек, построить вот на этой зеленой лужайке на берегу Рейна спортивный комплекс или ресторан и построит?” Хорошо говорящая по-русски Барбара вопроса не понимает: “Зачем, ведь здесь на роликах катаются, люди гуляют…”
Вспомнилось, как лет десять назад в центре Ташкента, там, где купаются в Анхоре “моржи” и гуляют люди, начали утюжить землю бульдозеры. Кто-то решил построить здесь каскад чайхан и каруселей. После протестов населения, выступлений в прессе стройку остановили. Этот пример яркий, но давний. А ведь и сейчас в редакционной почте СМИ хватает недоумевающих обращений.
Каков механизм принятия решений в немецкой коммуне? Вопросы градостроительного планирования и строительства относятся к компетенции горсовета. Планы застройки публикуются в здешней прессе и широко обсуждаются. Если, к примеру, в плане появится постройка у Рейна, то неизбежно появятся выступления в средствах массовой информации, петиционные письма в городской совет, обращения граждан в административный суд, наконец, состоится референдум.

…Изучая проблему самовольных пристроек к типовому жилью в Ташкенте, сопряженных с захватом придомовой земли, мне довелось услышать точку зрения одного из руководителей Главархитектуры узбекской столицы. Он утверждал, что ему больше нравится система застройки без плана. “Пусть владельцы земли строят, что хотят”. Очевидно, это точка зрения не его одного. Сколько лет Ташкент развивается вопреки генплану и без генплана, при том, что земля у нас не частная, а государственная. В Бонне или Берлине земля может быть в частном владении, но если по плану городской застройки здесь парк, разрешения ни на дом, ни на магазин, ни на завод не получишь. Расти, сад!

“Я на своем собственном участке даже дерева срубить не могу, надо доказать специальным службам городского совета, что оно больное, и взамен посадить саженец”, – так говорили нам в Германии, подчеркивая приоритет закона и авторитетность органов местного самоуправления. Вот вкратце о том, как шла страна к чистому Рейну.

Параллельно двум “Дарьям”

Три десятилетия назад в Узбекистане не ощущалось в полной мере пагубных техногенных загрязнений. Амударья и Сырдарья еще имели способность к самоочищению. Но в международной реке Рейн в это время уже явно ощущался перебор сельскохозяйственных и промышленных стоков, солей и пестицидов.
Что делать? Четыре страны – Швейцария, Франция, Германия и Нидерланды – создали международную комиссию по охране этой реки. Установили предельно допустимые концентрации сбрасываемых веществ в сбросах промышленных предприятий, других загрязнителей, бытовых стоках. Жесткие требования были подкреплены законодательно. Частное и уголовное право Германии в случае причинения ущерба окружающей среде предусматривают материальную ответственность за ущерб да еще и уголовное наказание при соответствующих нарушениях правил.

По примеру Рейна были созданы международные комиссии по Эльбе, Дунаю, Одеру. Построены многие десятки водоочистных сооружений. Строга экспертиза проектов. “Эта модель годится и для Центральной Азии, и для всего мира”, – так сказали нам в Федеральном министерстве по вопросам окружающей среды, охране природы и ядерным реакторам. И похвалились: “Опыт Рейнской международной речной комиссии будет

обсуждаться на Конференции ООН по окружающей среде и устойчивому развитию”.

Как стыкуются частная ванна и высыхающий Арал

Немцы волнуются, когда их гости из Америки или стран бывшего Союза решают принять ванну. Прижимисты они потому, что вода по счетчику. Побывававшие в Ташкенте, заключают: “Вы богато живете: льете без меры”. Так говорят после наших сетований на проблемы водоснабжения и нехватку влаги во многих районах Узбекистана, в том числе в Приаралье.

“Можно ли восстановить Арал?” Немцы хотят получить ответ и в связи с глобальным изменением климата, и из сочувствия к людям, живущим в пустынных зонах. Приходится ответить, что восстановить Арал нельзя. Он потерял более половины площади, и теперь она составляет 23,7 тысячи квадратных километров. Уровень моря понизился с 1961 года на 19,5 метра. Он продолжает ежегодно снижаться на 0,1-0,6 метра в зависимости от поступлений воды. За год речной воды в Арал поступает меньше одного кубокилометра, хотя страны региона и договаривались о ежегодной подаче воды в высыхающее море в объеме двадцати кубокилометров. “Первоочередная задача, которую видит для себя Узбекистан, – обводнить дельту в Приаралье”. Это требует немалых средств. Где взять? В Германии в общей сложности на разработку экологичных технологий ежегодно выделяется более миллиарда марок. Сумма складывается из средств Федеральных министерств экологии, транспорта, экономики, которые платят за подготовку своих проектов. Есть проекты, финансируемые Мировым банком, есть индивидуальные заказы. Важное научное направление – технологии водного хозяйства. Сюда входят исследовательские работы по выявлению степени загрязнения, санация, защита ресурсов.

Недавно в стране объявлен конкурс на лучшее технологическое решение по очистке сточных вод и приготовлению питьевой воды. Высокие технологии вышли за пределы страны, и теперь ученые взялись за создание контактных бюро за рубежом.
“Не навреди!”

Хлебнув экологического лиха, немцы решили в перспективе его предупредить. Почему портачили раньше? Да потому же, что и мы: не знали, не понимали, не ценили… Сейчас общественное сознание в Германии кардинально изменилось. Формировать его начинают в детстве. Защита окружающей среды присутствует едва ли не во всех школьных предметах, начиная с истории индустриализации и кончая обществоведением.
Цель – создать экологический строй, в котором экология станет определять направления развития рыночной экономики. Германия идет к этому. Не в будущем, уже сегодня ни одно решение о строительстве сколько-нибудь важного объекта не принимается без экологической экспертизы, а она не проводится без обязательных консультаций с

общественностью. В соответствии с Законом “Об экологической экспертизе” все интересующиеся могут просмотреть документацию.
Этот порядок подкреплен и Законом “Об экологической информации”: “Каждый имеет право претендовать на свободный доступ к информации об окружающей среде…” Учреждение может дать информацию в виде справки, но в зависимости от вопроса предоставит и целые тома с материалами дела. В федеральные ведомства по охране природы приходят тысячи запросов, и на все отвечают.

Ветряки там, где много ветра

Местные острословы шутят, что чайки здесь летают зимой вверх ногами, чтобы не видеть всей унылости прибрежной полосы у Северного моря. По счастью, мы приехали сюда, к Северному морю, в федеральную землю Шлезвиг-Гольштейн, весной. Этих чудес не видим, а ветер хоть и продувает насквозь, но глаз веселит зеленеющая под ветряками трава и пробивающееся сквозь облака солнце.

Что касается местных жителей, им стало явно веселей зимовать в соседстве с “ветровым парком”. Полторы тысячи ветряков оживляют пейзаж и обеспечивают многих не только экологичной электроэнергией, но и средствами к существованию. Строить ветровые установки здесь стали меньше десяти лет назад. Сейчас они вырабатывают за год свыше шестисот мегаватт, обеспечивая 12 процентов потребности федеральной земли в энергии. В планах – увеличить ее выработку до 25 процентов потребности. А фермерам выгодней построить на своей земле ветряк, чем выращивать капусту.
С чего здесь начинали новое дело? С расчетов. Жечь бурый уголь Рура в топках печей дорого, к тому же образуются в избытке зола и CO2. Природный газ, импортируемый из Англии и России, экологичен, но тоже дорог. Строить объекты гидроэнергетики? Энергия много дешевле, но потребуются водохранилища. Такие предложения в современной Германии не проходят. Действуют в стране три атомных электростанции по тысяче мегаватт каждая. Но после Чернобыля они непопулярны, новые атомные станции не

проектируются, действующие после выработки ресурса будут закрыты.
Почему предки не додумались использовать ветряки для выработки электроэнергии? Не разбирались в обтекаемых профилях. КПД ветряных мельниц был семь процентов, а у тех, что сегодня вырабатывают энергию, стандарт – под шестьдесят. И лопасти у них, как у самолетных пропеллеров. Пока одна из ветроустановок в ремонте, мы можем рассмотреть лопасти вблизи. Затем идем к работающей установке, заглядываем внутрь “ножки”. Внутри вертикальная лестница, уходящая вверх на сорок метров. Два раза в год по ней поднимается механик для проверки стационарных частей ветряка.
Интересно определить, насколько шумит. Помнится, когда в начале восьмидесятых годов в Узбекистан завезли около сотни ветроустановок специализированного НПО “Ветроэн”, одним из факторов против их эксплуатации был шум. Они оглушительно ревели, и роторы, случалось, отрывались. Выбираясь из “ножки”, понимаешь, что здесь шум от ветра, а не от техники. Про роторы персонал “Ветрового парка” объясняет, что и они поначалу улетали. Потом конструкцию усовершенствовали.
У нас в Узбекистане их тоже усовершенствовали. Мне приходилось сообщать в прессе лет восемь назад об итогах конкурса “Ветряк для Средней Азии”. Условия его были жесткими: чтобы выдавал энергию при силе ветра в три метра в секунду, чтобы был прост в эксплуатации, имел аккумулирующее устройство, надежно работал на полевом стане, в отдаленном кишлаке.
Помнится, одна из перспективных установок “бабочка” весила всего 170 килограммов. Были потяжелее и помощнее, с лопастями из стеклопластика, а были и стационарные. Республика тогда оказалась не готова к их внедрению. Теперь ситуация иная. Более того, Главгидромет провел картирование Узбекистана с определением перспективных мест для ветроустановок. Есть и у нас мощные стабильные ветры, как на побережье Северного моря. Будет развиваться ветроэнергетика.

Семья Блоков на своей земле

Ветер еще гудит в ушах. Мы еще перевариваем информацию о ветре, как альтернативном источнике энергии, и ежимся от того, что летом он раза в четыре сильнее. А микроавтобус, оставив позади кромку Северного моря, дамбу, протянувшуюся на сотни километров вдоль моря, белые ветряки, чем дальше тем больше похожие на детские вертушки, мчит группу узбекистанцев по цветущей земле Шлезвиг-Гольштейн на следующий объект – частную ферму. Почему она попала в ознакомительную

экологическую программу?

Сдавать свою землю в аренду под ветроустановку фермер Раймер Блок не собирается, хотя признает, что дело это выгодное. Выгодное и в том случае, если брать кредит и строить установку самому. Но он крестьянин. Вот его дом, вот дом отца, и поля вокруг. 70 гектаров принадлежат его семье, 30 гектаров арендует, выращивая здесь корма для молочного хозяйства.

Эта ферма в округе из лучших. Далеко не все так удачно ведут дело. Как ведет дела Раймер? “Я прошел сельскохозяйственное обучение, и 17 лет назад отец передал дело мне. Теперь сам принимаю учеников. У нас так принято: будущий фермер в течение года обязательно должен поучиться на чужом дворе”.

Мы заходим на него во время дойки. В коровнике сто дойных коров, а еще есть телятник. Два паренька, занятых дойкой, да он, Раймер – вот и вся рабсила хозяйства. Жена готовит пищу и занимается детьми. Приехавший с нами директор сельскохозяйственного училища из соседнего городка поясняет, что каждое утро после дойки юные помощники фермера отправляются на учебу в училище. Заняты у Раймера и после занятий. Их рабочая неделя 42 часа, зарабатывают по пятьсот марок в месяц, плюс опыт.

“И втроем успевают?” Нет нужды спрашивать. Конечно, успевают. Коровы сами чуть ли не в очередь выстраиваются на дойку – их приваживают комбикормами. Нет особых проблем и с чисткой помещений – навозная жижа проваливается сквозь решетчатый пол. В грунт

она не попадает, с помощью вакуумной помпы по трубам откачивается в специальные емкости. Потом ее используют для повышения плодородия земли. Специально закупается в качестве удобрений только азот.
“Нужны ли поливы?” – в ответ на этот вопрос Раймер смеется. “Мы к вашему приезду разогнали тучи. У нас ведь дожди едва ли не каждый день. И проблема – не нехватка влаги, а ее избыток”. Мы поддерживаем шутку Раймера, но продолжаем разговор про тучи вполне серьезно. В Узбекистане их уже научились разгонять: в день Навруза восемь самолетов барражировали над Ташкентом, чтобы люди посуху погуляли. А вот вызывать дождь не умеем. И на трехстах тысячах гектаров богары республика отказалась от выращивания пшеницы.
Для южан проблема – засуха. Тревожит глобальное изменение климата. В Узбекистане свои приметы этого процесса, а здесь, у моря, свои. Участились штормы, когда уровень волнующегося моря поднимается на два-три метра. Бывает и выше, вот и огораживается население дамбами. К нашему рассказу о влиянии человека на погоду здешние экологи относятся с опаской. “Уж больно тонкий механизм у воздушных потоков: как влияние на тучи над одной территорией отразится на другой?”
В “тесной” Европе не могут не думать о взаимовлиянии. Фермеры, к примеру, потому так осторожно относятся к пестицидам, что принято жесткое законодательство. Германия вырабатывала его вместе с соседними странами не только для защиты своих почв, но и для защиты морских вод.
Благодаря тесному партнерству с соседями по общеевропейскому дому в жизнь немецкого фермера вошел целый ряд новых условий. Не только экологических, но и экономических. К примеру, на ста гектарах он не имеет права держать более двухсот коров. Превысит – потеряет государственную дотацию. Дотацию государство платит, чтобы его продукция могла конкурировать с дешевой завозной из стран Европейского союза. Государство дает дотацию тем солидней, чем больше объем продукции с гектара земли. Так стимулируется эффективный труд и сохраняется в стране сельское хозяйство на случай кризиса.
Хозяин отвечает на наши вопросы об аренде кукурузоуборочных комбайнов, о ветеринарном обслуживании, об организации сбыта продукции. Про прибыль по итогам года говорит, что она составляет полтораста тысяч марок. После уплаты налогов это не такое большое богатство. “Захочет ваш сын заняться фермерством?” Раймер надеется. Ежегодно в крае уходят в чужие руки 60-80 фермерских хозяйств. Многие хозяйства укрупняются. Скупают и чужаки. Что обнадеживает любящих эту землю, – по закону она не может быть занята промышленными объектами.
Прощаясь с северным краем, узнаем о еще одном альтернативном источнике энергии — биогазе. Двигаясь в направлении Киля, проезжаем мимо башен бывшей фабрики по переработке сахарной свеклы. Закрыта, как нерентабельная. Но сейчас две ее башни заполнены навозной жижей со свиноферм – сырьем для биогаза.
Для Узбекистана отходы свиноферм – тоже проблема. Загрязняют почвы аммиаком. Поэтому с интересом слушаем, как в порядке эксперимента в Шлезвиг-Гольштейне организовали дело. Вырабатываемая на биогазе электроэнергия поступает в электросеть, а тепловая энергия – для отопления жилья. Государство доплачивает энергетикам за более дорогую ветровую и биологическую энергию. Эту часть государственной энергетической программы Германия будет и дальше развивать, так как имеется много аргументов “за”.

Зола из трубы “свяжет” шахту, вода уйдет в реку

Подверженные идеологическим штампам, мы привыкли считать, что в мире капитала туго

с энтузиазмом. “Из-за грошей стараются”. За семь дней командировки трудно избавиться от штампов, тем более сами немцы не раз напоминают о высоком уровне безработицы. В Германии безработных около пяти миллионов, в Берлине — 15 процентов всего трудоспособного населения. Может быть, это влияет на энтузиазм работающих?

На водоочистных сооружениях Берлина специалисты искренне жалеют, что мы не успеем обойти все станции. Они гордятся тем, что создали. Обслуживают город с населением в три с половиной миллиона человек. Прежние сооружения в Берлине были построены полтораста лет назад и с тех пор устарели. Последние десятилетия громадные площади в окрестностях занимались отстойниками со зловонным илом и другими “продуктами”. “Зато теперь от них и следа не осталось. Земли рекультивированны. В Берлине действуют самые современные очистные сооружения!”

Мы заражаемся энтузиазмом хозяев и пытаемся разобраться в карте города. “Длина трубопроводов, по которым подается питьевая вода в дома, – 7685 километров. Стоки отводятся по сети длиной в 8500 километров…” Эти цифры говорят о масштабах деятельности акционерного общества “Берлинские службы водоснабжения”, созданного несколько лет назад после приватизации государственной собственности.

Узнаем, что оно монополист. “Значит, вы заинтересованы в объемах, чтобы больше лили!” Собеседники не соглашаются: “В Германии, в том числе и Берлине, самое низкое потребление воды после Бельгии – 128 литров в сутки на одного человека”. По действующему законодательству граждане платят за подачу воды и за сброс остатков в канализацию в зависимости от их количества. Поскольку цены не символические, то каждый участвует в финансировании водоподачи и водоочистки и бережет гидроресурсы.

Не удается нам “достать” хозяев и предположением об установке монопольно высоких цен. Порядок расчета определен законодательно, кроме того, полученную цифру обязательно должен утвердить надзорный совет акционерного общества. Чего ради стараются? Хозяева с увлечением говорят о том, что по чистоте питьевой воды обогнали жесткие стандарты Европейского Союза, а высокая технология очистки сточных вод позволила сбрасывать их в реку Шпре.

Нас ведут по станции с этажа на этаж. Тут центрифуги, там котлы высокого давления, здесь в специальных печах с завихрением идет сжигание ила с помощью мазута. Энергия горячего воздуха вращает паровые турбины, поступает в биологический отсек. Горячие газы охлаждаются, проходят через электростатические фильтры, зола осаждается, углекислый газ вымывается, очищенные газы уходят в атмосферу. Везде чисто. Пепел, а его образуется за сутки тридцать тонн, нигде не летает. Его поставляют для укрепления отработанных угольных шахт.

“Очисткой сточных вод на семи берлинских станциях, обслуживающих и прилегающие территории земли Бранденбург, занимаются около четырехсот человек”, – удовлетворяют наше любопытство хозяева. Сообщают и о прибылях акционерного общества – за минувший год составили 160 миллионов марок. Его перспектива – в утилизации высокотоксичных соединений, создании дочерних предприятий по производству труб, а также консультационных фирм в Германии и за рубежом по внедрению экологичных технологий. Восемь таких предприятий и фирм уже создано. Строятся очистные сооружения в Венгрии, Китае, Польше. Консультируется возведение двух станций в Москве.

Нам говорят, что министр строительства и транспорта, возглавляющий АО, недавно был в Ташкенте. Станут лучше наши очистные сооружения?

Длинный поезд с вашей макулатурой

Он на экране. Зритель удивляется, когда проскочили 10-15 вагонов, потом еще столько же

и ахает, когда диктор сообщает о длине поезда: 38 километров! Столько макулатуры человек выбрасывает за свою жизнь. Конечно, этот поезд – выдумка. Как и другой, идущий в обратную сторону 20-километровый состав с переработанными в бумагу отходами. Но они впечатляют и убеждают. Сюжет этого клипа придумали социологи. А рассказывает мне об этом один из управленцев частной берлинской фирмы “Альба” Детлев Тормайер. Немцы признают аргументы, поэтому его фирма работает и с социологами, и со средствами массовой информации. Этот клип крутят по телевидению. Но он воспитывает не столько западных, сколько восточных немцев. “Когда я жил в ГДР, платил за кубометр воды 40 пфеннигов, теперь — 2.5 марки. За один киловатт-час платил 8 пфеннигов, теперь 30. Появились аргументы в пользу экономии ресурсов — меняется менталитет у половины нации”.

Тормайер в свое время защитил докторскую диссертацию по политэкономии, но после объединения двух Германий занялся не наукой, а практикой: “И нахожу это весьма интересным! Вот, к примеру, как становилась на ноги фирма “Альба”. Ее основатель, инженер Франц Иосиф Швейцер, как-то забрел в один из берлинских дворов и поразился обилию ценного сырья в мусоре – стекла, бумаги, пластмассы, дерева. Родилась идея: из старых материалов делать новые товары. Жителям он раздал специальные ящики для раздельного сбора мусора, сам на грузовике объезжал кварталы: “Я сделаю из старых товаров новые”…

Было это три десятка лет назад. Сейчас в “Альбе” работает более пяти тысяч человек, а обслуживает фирма семь миллионов человек в Берлине и близлежащих городах. Выпускает товаров на один миллиард марок. С владельцами домов и квартир заключаются договоры, есть договор и с “Дуальной системой” – они платят за вывоз и переработку мусора, а в городской бюджет платит “Альба”. В Германии – 30 процентов от прибыли.

Но в Польше бургомистр города, с которым тоже начали сотрудничать, хотел получать большую часть. Потом понял, что лучше иметь 30 процентов от хорошего предприятия, чем 70 от никудышнего. Эту модель Тормайер называет “берлинской”, она широко распространилась по всей стране.

“Здесь мухи не летают”

В программу пребывания делегации из Узбекистана посещение предприятий “Альбы” не умещается. Но с “берлинской моделью”, в частности, с получением из мусора компоста и биогаза, мы уже ознакомились на частном предприятии фирмы “UP”, расположенном неподалеку от Бонна.

Подъезжая к компостному заводу, наши сопровождающие, подчеркивая выгодность дела, предложили обратить внимание на автомашины сотрудников. Супермодели впечатлили, производство компоста из мусора тоже. Завод обслуживает полумиллионный район. Сюда свозятся биологические отходы, включая старую древесину, ветки и листья. За год перерабатывает 24 тысячи тонн.

Мусор проходит обязательную сортировку, ведь в нем попадается порой и металл, и стекло. Затем биомасса размельчается, затягивается в ротор, и при 80 градусах бактерии переваривают ее под контролем компьютера. Несмотря на специфический запах, мух – из-за высокого давления воздуха – здесь нет. Когда масса перебродит, к ней добавляется два процента земли. После этого доходит до кондиции на свежем воздухе под навесом. Готовый продукт пакуют в мешки и продают по цене 20-30 марок за тонну. Весь процесс занимает 12 недель.

“Компост останавливает эрозию почвы, связывает соли тяжелых металлов, дает жизнь земле”,– сказали специалисты. Очевидно, это так. Товар здесь не залеживается.

Что залеживается, так это отходы, не подлежащие утилизации. Мы видели хранилище, рассчитанное на полмиллиона кубометров. Заполнится лет через пять-десять. Сверху вниз мы разглядывали почти готовый объект, в котором завершались строительные работы. “Дно, – объяснили, – из песка, гравия, полутораметрового слоя глины, 20-миллиметровой фольги. По нему проложены трубы для откачки дождевых стоков”. Всего на этих просторах уже захоронено семь миллионов тонн отходов. Земля рекультивирована, растут деревья и только газовые колонки, отсасывающие биогаз, подсказывают, что это свалка.

Куда девается газ? Идет на отопление 1700 квартир. Куда уходит откаченная вода? В желтый дом на пригорке. Здесь, в отстойниках, она проходит несколько стадий очистки, после чего годится для хозбытовых нужд. Весь комплекс стоит 38 миллионов долларов. “Для нас,– сказали мы, – дорого”. – “Для нас,- ответили, – тоже”. Потому и стараются отходы минимизировать, обратить их в товары. Потому и изобретают социологи увлекательные ролики про экономию ресурсов.

Если 1100 литров разделить на четыре…

Политэконом Тормайер сказал на прощанье, что у Узбекистана нет тридцати лет в запасе, чтобы “родить” ташкентскую модель, но есть возможность воспользоваться чужим опытом.

А это уже происходит, хотя на этом пути мы находимся в самом начале. По долгу службы автору этих строк не раз приходилось сталкиваться с коммунальными проблемами Ташкента, истощающими природу. Вот что имеем. В четырех тысячах многоквартирных домов устарели инженерные коммуникации, текут внутриквартальные и магистральные сети. Надо менять каждый год по полтораста километров труб. Надо реконструировать районные теплоисточники, строить новые водоочистки. Иначе из дырявых труб и дальше будем терять качественную воду. Если она к тому же горячая, потерь понесем еще больше – зря сожжем топливо, а продукты сгорания загрязнят воздух, которым дышим. Реализуется программа “О развитии теплоснабжения Ташкента”.

“Ну и что? – спросит читатель. – И раньше государство обо всем этом заботилось в меру сил”. Верно, но у программы есть и иные аспекты, связанные с изменением менталитета. Помните, сколько чистой водопроводной воды приходится на одного человека в Германии? В сутки 128 литров. В Ташкенте норматив – 330, факт – 1100. Эта цифра получена в результате замеров на ряде столичных домов. Кстати говоря, этим эксперимент не ограничился. Работники коммунальных служб ликвидировали в домах все утечки, и после этого в тех же домах расход воды сократился до 240 литров на человека. Как объясняли нам в Германии многие: люди тратили, тратят и будут тратить природные ресурсы, пока не изменится их менталитет. Прибор учета воды – аргумент. В начале третьего тысячелетия он поэтапно появится во всех ташкентских домах и во многих квартирах. Тому, кто любит поплескаться в ванне, придется больше платить. Больше придется платить и тому, кто от души заливает водопроводной водой огород. Ну, а меньше, значит, меньше.

Сортировки мусора в жилых кварталах в одночасье не предвидится. Но и в этой сфере сдвиг в менталитете должен произойти. В Ташкенте появились для групп домов первые капитальные “мусорные дворы” с чешскими контейнерами. И еще семьсот копий в плане. Привыкнем ли доходить до них с домашним мусором? Хотим жить в чистоте, вне конфликта с окружающей средой, привыкнем.

Ну, а дальше судьба мусора будет такова. Мусоровозы – их пока менее четырехсот, но станет в два раза больше, вывезут собранное на четыре загородные площадки, спрессуют и на большегрузах отправят на свалку. Этот опыт – Великобритании. Кредит выделил

Мировой банк. Речь идет о миллионах долларов. Чтобы расти менталитету параллельно вкладываемым миллионам, нашим социологам, наверное, тоже стоит подумать о ярких рекламных клипах.

Елка от “очень большой дочки”

Каляки-маляки украшают свежевыкрашенные стены немецких домов. Желтые и фиолетовые, голубые и коричневые инициалы, слова, рисунки, абракадабры наносятся пульверизаторами позаметней. И никакие родительские уговоры, что, мол, нарушается красота, не действуют. Штрафы, налагаемые на родителей муниципальными властями, достигают сумм, превышающих месячный заработок, и углубляют конфликт отцов и детей. Несмотря на семейные драмы, группы подростков ночами продолжают методично метить дом за домом.

Каким вырастет новое поколение? Об этом, знакомя нас с Берлином, задумывается Эвелин. Она не эколог и не социолог. Но ее отец был главным лесничим земли Бранденбург, и она шутит, что в детстве чувствовала себя “очень большой дочкой”. Однажды под Рождество для кого-то из своих друзей вырвала из земли елку. Отец был поражен. “Ты еще маленькая, – сказал,– но когда ты вырастешь, заплатишь за дерево штраф”.

Отец объяснил ей простую вещь: ни для кого не может быть исключений, когда речь идет об охране природы. Она поняла, и теперь, сетуя на странные развлечения подростков, признает, что елок с корнем они не выдирают, деревьев не рубят и не пилят. Как и вся

нация, молодежь озабочена их сохранностью.
Дело не только в экономических санкциях. Загрязнение воздушной среды привело к массовому поражению деревьев в стране. В 1995 году лишь 39 процентов деревьев были признаны здоровыми, остальные имели повреждения различной степени. Что делать?
Двенадцать обширных территорий, представляющих особую экологическую и природно-географическую ценность, объявлены в Германии национальными заповедниками. В добавление к ним имеется более пяти тысяч природоохранных зон и ландшафтных заповедников. А еще есть двенадцать биосферных заповедников, признанных ЮНЕСКО. В один из них – Шорфхайде-Хорин – мы и направляемся, проезжая места, где не так давно находились советские воинские части. От них остались дома, которые будут реконструированы, и экологические проблемы.
Одна из них – загрязненные почвы. Если оставить все как есть, еще десятки лет они продолжат отравление подземных вод и растительности в окрестностях. Для санации используются разные методы. В одних случаях применяют промывки, в других – растения, которые вытягивают из почвы вредные вещества. Но промывки опасны тем, что тяжелыми металлами загрязняются грунтовые воды, растениям же надо лет сто, чтобы вокруг стало чисто. Потому здесь применяют и крайние меры – самые грязные почвы выгребают и сжигают.
Слушая эту невеселую историю, подумалось, что несколько десятилетий наша бывшая большая родина вела себя в Германии, как “очень большая дочка”. А еще подумалось, что и в Узбекистане сегодня хватает аналогичных примеров. Есть залитые ядохимикатами сельхозаэродромы, небезопасные склады с гербицидами, пестицидами, дефолиантами. Что касается вырубки деревьев, то это у нас обычная вещь – и во дворах, и на улицах. Без ведома экологов по указанию чиновников год-два назад прореживались дубы на центральных улицах Ташкента. И в этом году хватает свежих пней.
“Исключения” встречаются на каждом шагу. Есть они и в законодательстве Узбекистана. Во изменение Закона “О земле” наши депутаты в 1993 году дали правительству право изымать земли особо охраняемых природных объектов. Немцы верны себе, и в Законе “Об охране природы и уходе за ландшафтом”, действующем в Германии, исключений не допускают. В нем сказано, что “ликвидация памятника природы, охраняемой составной части ландшафта, а также любые действия, могущие привести к разрушению, повреждению или изменению охраняемой составной части ландшафта, запрещены”.
В биосферном заповеднике под Берлином у нас есть шанс удостовериться, не расходятся ли слова и дела.

Он не показательный, но…

Не показательный, потому что создан недавно. Федеральная земля Бранденбург, окружающая столицу, входила в состав ГДР. Здесь был заказник, где охотились высшие чины страны, но он был невелик. Сейчас заповедная местность простерлась на 130 тысяч гектаров. Заметим, что это второй биосферный заповедник в Бранденбурге. Есть здесь и другие ландшафтные территории, находящиеся под защитой Института крупных заповедников этой федеральной земли.
Как сказался новый статус на местных жителях? Двести человек, прежде занимавшихся сельским хозяйством, изучили законодательство, компьютер, ботанику, психологию, принципы связи с общественностью… И стали экологами. Патрулируя заповедник, охраняя ландшафт, защищая растительность и животный мир, они при деле и хорошей зарплате.
Прежде всего оберегают ядро, занимающее процента три общей площади, где запрещена всякая деятельность человека. Вокруг него располагается мало используемая территория

– 21 процент всей земли. На остальной разрешено экологически чистое сельское хозяйство и другая безопасная для природы деятельность. Отличие этого заповедника от других в том, что тут имеется и четвертая категория земель – на них до 1990 года накапливалась жижа с многочисленных свиноферм. Они подлежат санации.
В рамках заповедника их рекультивировать проще, ведь финансирует работы Министерство экологии и окружающей среды. А оно отнюдь не нищее. Несколько лет назад государство продало крупный сталелитейный комбинат и отдало выручку в государственный экологический фонд. Банковских процентов набегает 150 миллионов в год. “Хватает и на науку, и на практику”.
Вслед за информацией хозяева ошарашивают нас вопросом: “Знаете ли вы, что находимся в бывшей пустыне?” Мы видим, как до самого горизонта волнуются кроны сосен, дубов и буковых деревьев, и нам кажется, что нас разыгрывают. “Еще в начале прошлого века здесь были пески. Деревья посажены человеком”. Если предки достигли таких успехов в облагораживании ландшафта, то, очевидно, потомки сумеют оздоровить природу.
Усилия прилагают не только штатные лица. Нам говорят о неправительственных организациях. Возникли в Бранденбурге до воссоединения двух Германий. “Ледниковая морена” – так называется одна из них. Занимается ландшафтной охраной. Есть и другие союзы и группы, которые активно защищают растительный и животный мир. Многие энтузиасты входят в Союз защиты природы Германии.
Неправительственные организации участвуют в обсуждении экологических проблем, у них есть свой голос при принятии решений. Имеют право подать в суд в случае нарушения природоохранных норм, поддержать заповедники финансами. Что и делают.

Огороды “спасовали”, а Бродовин торгует

В местных деревнях нет огородов. Нам, южанам, этого не понять. В Узбекистане огород под окном — это и подспорье семье, и психологическая разгрузка. Здесь, в деревнях Шорфхайде-Хорин, ради разгрузки их держат единицы, а ради пополнения стола — никто. Возиться на них себе дороже. Магазины заполнены дешевыми продуктами из западной Германии и стран Европейского Союза.
Сельское хозяйство восточной Германии велось неэффективно, а теперь не может выдержать конкуренции. Есть деревни, где безработица достигла 60-70 процентов! Вот и приходится сотрудникам Института крупных заповедников земли Бранденбург беспокоиться не только об экологии, но и об экономике, судьбах тех трех десятков тысяч человек, что живут в Шорфхайде-Хорин.
Беседуя об их трудностях, слышим знакомые по Узбекистану варианты выхода из кризиса. Надо развивать переработку продукции! Везти в город не зерно, а муку, не сырое мясо, а ветчину, не сырое молоко, а пастеризованное, сыр и творог. Крестьянам деревни Бродовин помогает выжить производство экологически чистой продукции.
Сначала здесь было, как и у соседей. Колхозы распались, крестьяне получили паи и стали фермерами. Ну а потом фермеры снова решили объединиться, но на иной основе. Создали акционерное общество с ограниченной ответственностью. Идея принадлежала богатому инвестору, решившему использовать налоговые льготы. Он да еще пятьдесят местных фермеров и стали акционерами. 98 процентов земли арендуют. Всего земли 1200 гектаров. Это хозяйство на сегодня самое крупное в Германии, работающее по экологически чистой технологии. В нем выращивают зерновые, овощи. Есть парники в полторы тысячи квадратных метров. Остальная площадь отдана животноводству.
В стаде 320 коров. Молоко перерабатывается прямо на ферме, часть его пастеризуется и разливается в бутылки, а из другой делают сыр, брынзу, творог. 95 процентов всей

продукции акционеры продают в Берлине в магазинах “Деметр”. Хлеб, выращенный без применения “неестественных удобрений”, стоит здесь в два раза дороже. Существенно дороже и другие виды экологически чистой продукции. Выручка пополняет бюджет. А еще его пополняют государственная дотация, выделяемая экологически чистым сельскохозяйственным производствам, и дотация, которую получают все фермерские хозяйства Германии, компенсирующая разницу между немецкими ценами и ценами стран Европейского Союза.

Фермеры в Бродовине получают зарплату. Дивиденды пока не делили. Всю выручку направляют на развитие производства. Их пример заразителен. И сейчас в биосферном заповеднике создается второе крупное сельскохозяйственное акционерное общество. Оно заключило договор с Институтом крупных заповедников, обязуясь использовать только естественные удобрения, косить луга, сажать деревья, не жечь листья и прочие зеленые и не зеленые отходы. Этот вариант выгоден и Востоку, и Западу.

Не вытопчут ли туристы Чаткал?

В одном из материалов про Чаткальский биосферный заповедник мне приходилось сердито писать, что стремление зарабатывать на нем деньги приведет к тому, что деньги будут, а заповедника нет. Но опыт Германии вдохновляет. Более того, после “экодеревни” немецкая сторона обещает показать, как организован частным лицом экотуризм.

Добраться до охотничьего парка занимает изрядное количество времени, и мы еще раз убеждаемся, как велик этот биосферный заповедник.

Чаткальский в три раза меньше. Площадь его трех территорий составляет 45 тысяч гектаров. Инспекторов – тридцать, а в заповеднике, по которому катит микроавтобус, триста. Чаткальский – на весь Узбекистан – единственный биосферный. Кроме него есть восемь заповедников без этого высокого статуса, национальный и народный парки, экоцентр “Джейран”, два памятника природы и девять заказников.

Общая их площадь составляет около четырех с половиной процентов территории республики. В Германии этот показатель в два раза выше. Но беспокоят не столько проценты, по которым проигрываем. Тревожит то, что лишь часть территорий, требующих защиты, находится в ведении Государственного комитета Республики Узбекистан по охране природы. Как судить о качестве природоохранной деятельности там, где управляются Минсельводхоз, рыболовы, охотники?

Будет обеспечена надежная охрана нашим узбекистанским красотам, птицам и зверям – каким привлекательным и выгодным может стать экотуризм!

Комфорт для лося и волка

В Берлине два зоопарка и два Ботанических сада. Много чего по два из-за послевоенного раздела. Не трудно предположить, что берлинцы и гости столицы могут сполна насладиться живой природой, не выезжая за городскую черту. И наслаждаются. Но вот полтора года назад в полусотне километров от города открылся “охотничий парк”, где содержится всего восемь видов диких животных, причем не экзотических, а тех, что обитали тут испокон веку, и началось настоящее паломничество. В прошлом году парк посетило 130 тысяч человек, прогноз на этот год – на сто тысяч больше.

Чем привлекает? Сосновый лес на подходе к нему неожиданно кончается. Там, сразу за калиткой, и ждет первое чудо: глаз не может охватить весь открывшийся степной простор

с перелесками, но тут же замечает вольер с козлятами и тискающими их ребятишками. Похоже, и тем и другим игра нравится. На детской площадке никто не говорит: “Нельзя!” Можно войти в вольер и к диким свиньям. У них длинная коричневая щетина, деловой вид. Хочешь общаться — общайся. Не хочешь – иди дальше. В “охотничьем парке” восемьдесят гектаров.

Те просторы, где живут зубры, можно назвать и вольерами. Но у них ничего нет общего с теми, что в зоопарках. Условия жизни у животных естественные – земля, трава, болотца и озерки. Вот только жизненное пространство ограничено тремя проводами. Такие же условия у лошади Пржевальского, благородных оленей, косуль, лосей. Подальше от них вынесен волчий полигон. Директор парка Франк Хайтер говорит, что пока полигон пуст, но получено разрешение Института больших заповедников земли Бранденбург на содержание двенадцати особей. На днях поступят первые три волка из зоопарка, а потом он привезет и волчат.

Предмет особой гордости директора – лоси. Здесь живет пара этих красивых животных, а всего по стране их восемнадцать. Со своими директор дружит. Они откликаются на его голос, он знает их повадки и говорит о животных, как профессионал.

Как говорит о туристах? Тоже с теплотой. Никому не приходит в голову пролезть за три провода. Впрочем, – шутит, – никто не говорит им “нельзя”. Можно попробовать, но надписи предупреждают, что будет больно. Животные, попробовав раз, больше этого не делают. Ток в проводах для жизни не опасен, но как преграда – эффективен.

Если захочет безработный

При здешней высокой безработице шестнадцать рабочих мест, созданных в парке, кормят шестнадцать сельских семей. Не так давно директор сам был безработным. Затем ситуацию кардинально изменил – оборот денег в его хозяйстве за прошлый год составил более полумиллиона марок.

Говорит, что чистой прибыли пока нет, расплачивается за кредит. Но он счастлив тем, что не чувствует себя лишним, никому не нужным. В таком положении оказался, когда в одночасье закрылся его научно-исследовательский институт.Такие истории и нам знакомы: работал-работал и вдруг!.. Хайтеру тогда исполнилось пятьдесят. Будь на

четыре года больше – ушел бы на досрочную пенсию. “Всю жизнь занимался моделированием экосистем и большими млекопитающими, заведовал исследовательским коллективом. Оказался на рынке труда без всяких шансов”. То, что взялся за создание “охотничьего парка”, было предопределено его интересом к истории. Знал, что еще в тридцатых годах в этих местах создавался парк для изучения животных в естественных условиях.

Его идею поддержали в Институте больших заповедников. Ну а дальше следовало определиться с финансами на строительство ресторана, хлебопекарни, детской площадки с аттракционами. Кредит на строительство получил, заложив два семейных дома. С кредитом на покупку земли оказалось проще. Сама земля была залогом. 20 процентов нужной суммы дал банк, а остальную сумму дотировал Европейский Союз, стимулирующий развитие международного туризма. Его условие – двадцать лет использовать земли для экотуризма. Вряд ли Франку Хайтеру и его семье захочется изменить вид хозяйственной деятельности.

Захочется ли нашим безработным заняться организацией экотуризма? Разговоров о нем в разных сферах все больше. Очевидно, что скоро и в Узбекистане будет доступ экотуристам в места, где сохранился нетронутым ландшафт, а дикие звери живут в естественных условиях. С такими вот мыслями мы уезжали из заповедных мест Германии.

Поездка подошла к своему финишу стремительно. Вчера еще смотрели на лосей, и вот уже родные места, редакционный кабинет, телефонные звонки. “Приезжайте, – зовут из Узгидромета, – завершился очередной этап проекта “Узбекистан: изучение страны по изменению климата”. Есть интересная информация”. Она и в самом деле интересная. Подводя итоги очередного этапа исследований, ученые и специалисты говорили о многих аспектах, в том числе и о перспективах озера Судочье в Приаралье: “Планируется подача в озеро не только коллекторно-дренажных вод, но и речных. Это позволит улучшить качество воды в озере и восстановит экосистему. Сохранится и для республики, и для перелетных птиц”…

Мы осознаем проблемы. Значит, меняется менталитет. Лишь бы слова не расходились с делами.

Наталия ШУЛЕПИНА
фото автора
«Правда Востока», 6,7,13,14,19,20,21 мая 1998г.
sreda.uz

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

25.04.2009